

Вырезка на газету

КОМУНИСТ

6 СЕН 1983

г. Ереван

Пути развития театрального искусства в Армении лежат сегодня впереди. Именно поэтому на вопросы, связанные с современным театральным процессом, наш нештатный корреспондент Н. ОНИНСКИЙ беседует с председателем правления Армянского театрального общества, народным артистом СССР, главным режиссером ереванского драматического театра Р. Н. КАПЛЯНОМ.

— Рачия Никитович, любой разговор о театре неминуемо без выяснения взаимоотношений в вечном треугольнике драматург—режиссер—актер. Собственно говоря, гармония в этом треугольнике и определяет успех. Когда же гармония нарушается...

— Часто гармония нарушается из-за острой нехватки современного драматургического материала, хотя пьесы пишутся, ставятся. Зритель жаждет именно современной пьесы, и как часто приходится удовлетворять его жажду далеко не первоклассным «питьем». Простите, парадоксальные вещи: иногда в современной пьесе, написанной на уровне ниже среднего, есть острая проблема сегодняшнего дня, зритель живее и лучше на нее реагирует, чем на отборнейшую классику. И не потому, что зритель вдруг стал таким неземскательным, как раз в этом его сегодня не упрекнешь. Сейчас наш зритель видит и знает гораздо больше, чем раньше. Это способствует театр «Дружба», гастроли зарубежных трупп, ЦДК, наконец, сегодня зритель много знает, читая рецензии в периодике. Таким образом у него инстинктивно воспитывается вкус и вырабатываются верные критерии.

Психологами давно открыт тот факт, что все люди без исключения имеют склонность и охоту к игре. И зрители «играть» с тем больше, чем больше их захватывает современная проблематика пьесы. Вот еще почему так опасна современная драматургия, написанная на низком художественном уровне людьми бесталанными, но с острым нюхом на конъюнктуру. Известно, что в бесталанной пьесе всегда выпячиваются теневые стороны жизни, решенные в узко бытовом ключе. Приземленность и примитивность такой подачи не только ничего не дает, но и наносит огромный урон вкусу зрителя. Отсутствие авторской позиции, умения обобщать, размытость миро-разрешения приводят к бытоватской приватке серьезных жизненных проблем.

Я часто задумываюсь вот о чем: все пишут пьесы, кроме тех, кто должен это делать. И отчего первые так смелы, а вторые так пассивны? У нас почему-то сложилось мнение, что драматургия — это какой-то второстепенный литературный жанр, в отличие от прозы и поэзии, что пьесу можно состряпать в виде полуфабриката и пред-

ставить ее конспективно в театр, а там пусть режиссер сам разберется. Писатель довольно часто занимает историческую тему, которую, конечно же, можно решать в современном ключе, но добротная остроумная пьеса все равно более необходима сегодняшнему зрелому.

Еще бы я попросил бережее относиться к хорошей драматургии, которой, как я говорил, у нас до обидного

станет более активной, чем была до сих пор. Увы, что уровень нашей драматургии во многом может зависеть именно от критических оценок. А что часто происходит? Идет, скажем, в театре мучительная работа над современной пьесой, наконец, наступает премьера, естественно, что театральному коллективу интересно и важно знать, как оценивается его труд. Но, увы, нет отклика, нет принципиального крит-

рози, где нужно произнести несколько слов. Таким образом, идет вытеснение атмосферы театра.

У нас же будущие актеры направляются в театры лишь на непродолжительную практику. Приходит такой студент — и сразу чувствует, что он не нюхал театра, что знает он его не только абстрактно, но часто и не испытывает трепетной любви к нему. Это я определяю по тому, проявляет ли он интерес к каждо-

му человеку. А как часто режиссеры забывают об этом, пытаясь выставить наокаш лишь свои режиссерские находки, теряя при этом актеров, превращая их в манекенов. Я за те спектакли, где актер играет доминирующую роль. Думаю, что наши молодые режиссеры Николай Цатурян, Армен Хандинян, кироваец Вагз Шахвердян имеют прекрасное будущее, если, конечно, мы будем бережно относиться к их растущему мастерству.

Конечно, очень важно, чтобы молодым давали дорогу, всячески поддерживали их, но всяких ли молодых? Возраст сам по себе не критерий, критерием для всех возрастов остается по-прежнему талант и преданность искусству. Иногда в театре образуются, как у нас говорят, «окна», то есть появляются возможности постановки незапланированного спектакля. Обращаюсь к молодому режиссеру с вопросом, что бы он хотел сейчас поставить. Он начинает искать пьесу месяцев шесть. Меня это поражает: я уже 50 лет на сцене, но меня все время не отпускает мысль — успею ли осуществить все те задумки, которые скопились у меня в голове?

«Юда ученик готов, появившись учителем» — говорит мудрое изречение. Учеников нельзя сплести, это не штатные единицы. Прежде всего нужно, чтобы молодой человек сам бы хотел учиться, хотел бы создать что-то значительное, горел бы какой-то идеей.

Сейчас у нас в республике создается благоприятная атмосфера для молодых режиссеров. Открылись новые театры: Экспериментальный и Камерный, в Центре эстетического воспитания появились интересные детские театры. Я всегда радуюсь, когда узнаю об открытии нового театра, радуюсь возможности молодых режиссеров и актеров показать себя, кроме того обилие театров создает здоровую конкуренцию. Но оговорюсь, при обязательном условии, что каждый новый коллектив приносит с собой какое-то новое качество, чтобы, закрепляя театральные национальные традиции, вносил и новую, свежую струю в это древнее, как мир, искусство.

И еще, мне кажется, необходимо более тщательно обдумывать название вновь создающегося театра, потому что название — это суть явления. Скажем, Экспериментальный театр... А разве вообще театр без эксперимента мыслим? Я, например, всю жизнь занимался экспериментом. А названию Камерный, на мой взгляд, не соответствует далеко не камерный репертуар этого театра. Хотя в общем и обобщенно театрам я отношусь с симпатией.

ТЕАТРЫ АРМЕНИИ СССР

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

мало. Приведу пример из собственной практики. Шесть лет назад в театре имени Сундукяна я осуществил постановку пьесы одного из лучших наших драматургов Ж. Арутюняна «Перекресток». Теперь я не узнаю этого спектакля. И не потому, что он «постарел», время — союзник, а не враг театра (в театре им. Вахтангова до сих пор с успехом идет «Принцесса Турандот»), дело тут в неоправданных вкладах новых актеров и зашатавшейся игре прежних.

— Какие конкретные меры вы могли бы предложить режиссеру для поднятия уровня современной армянской драматургии?

— Наш театр старается привлекать к себе молодых драматургов, старается как-то выйти из трудного положения. Очень помогают нам инсценировки прозаических произведений Гранта Матевосяна, Владислава Петросяна, Перца Зейтуняна и других писателей. Я думаю, что лучше инсценировать хорошую прозу, чем биться над плохой пьесой. Добротные инсценировки не задерживают роста драматургии, как это глупо думать, а, напротив, создают ей хорошую конкуренцию.

То, о чем мы сейчас говорим, не может быть делом какого-нибудь одного театра, здесь нужен государственный, всеохватный подход. Нужно почаще собираться деятелям театра — драматургам, критикам на высшем уровне, нужен большой серьезный разговор, где драматургам предлагались бы те темы, давались бы государственные заказы. Необходимо стилизовать прежде процесс ввести в определенное русло, заинтересовывать и поощрять талантливых молодых драматургов. Как уже высказывалось, конкурсы ничего не дают, ведь в них, как правило, участвуют люди, плохо владеющие пером. Перспективна, я думаю, за широкой гласностью, за настоящим всенародным обсуждением этой проблемы.

— Я здесь не последнюю роль должна сыграть критика.

— Разумеется, если она

делает, а не просто критикует. Еще хуже, когда критикует, плохо разбираясь в сложном механизме театрального дела, что часто ведет к нелепым. Актеры иногда жалуются на режиссера, находя для него текст, написанный драматургом. Ясно, что все это вымысел у них профессионалов.

Наша задача — иногда еще приходится уговаривать актеров играть в современном спектакле не только из-за плохой драматургии, но и из-за необъективной критики.

Недавно я прочитал все рецензии, написанные за последние годы об армянском современном театре. И я полагаю, что будущие поколения вряд ли смогут составить себе впечатление о нашем времени, об истории нашего театра. Театр, увы, живет лишь сегодня, это не литература, не музыка, не живопись. Так что объективная, умная, принципиальная современная критика нужна не только нам, но и тем, кто будет жить после нас. Совместно с Союзом журналистов при АТО мы собираемся создать секцию молодых критиков.

— Рачия Никитович, сейчас театр, как никогда, остро нуждается в подготовке квалифицированных, высокопрофессиональных кадров. Это касается не только драматургов, но также режиссеров и актеров. Что бы вы могли сказать о воспитании нового театрального поколения?

— Мне кажется, что прежде всего необходимо пересмотреть программы нашего театрального вуза, приблизить ее к жизни. Так же, как будущий агроном должен проходить свою учебу на земле, точно так же будущий актер должен, в процессе обучения, знакомиться с настоящим, а не только учебным театром, причем начинать это надо с первого курса.

Сложилось на опыт Московского театрального училища имени Шукшина, где студенты первого курса являются рабочими сцены театра им. Вахтангова. На втором курсе они уже участвуют в массовых, а на третьем-четвертом — им доверяют крохотные

роли, где нужно произнести несколько слов. Таким образом, идет вытеснение атмосферы театра.

— Я всегда приветствую

дней, часто изнурительной нашей работе. Увы, таким студентам больше интересен результат, а не сам процесс работы. И самое обидное то, что нередко эти ребята бываю от порою талантливы. Но как это, оказывается, мало — иметь талант!

Нам нужен актер-гражданин, человек образованный и интеллигентный. Без гражданской ответственности талант — явление пассивное. Я нередко рассказываю своим студентам о Михаиле Ульянове, о том, что кроме большого таланта он обладал огромным трудолюбием и скромностью. Я уже не говорю о его общественном темпераменте — об этом знают все.

Воспитывает молодого актера не только театральный институт, но и театр, куда он поступает на работу. Если там окажется по-настоящему теплическая атмосфера, если режиссер там не просто постановщик, а режиссер-педагог, который прежде всего создает коллектив единомышленников, а потом лишь ставит спектакли, тогда за судьбу молодого актера волноваться не нужно.

Две вещи мне претят в театре: уравниловка и пренебрежение. Скажем, доверили опытного молодому актеру роль Отелло — он теперь навечно чувствует себя пренебреженным, не будет ничего играть, дожидаясь снова главной роли. Только так же вредна и выдержка актеров. Нужно почаще хвалить и воздвигать актеров, не нужно бояться этого делать. Главнее, чтобы сами актеры не теряли критериев мастерства, не останавливались на достигнутом. Сергей Захаридзе, будучи уже известным актером, как-то признался: «Нужно становиться более знаменитым, я боюсь каждой новой роли. Вдруг я не актер и напрасно жил».

На недавних гастролях в Москве Ереванский драматический театр показал шесть спектаклей, четыре из которых были поставлены молодыми режиссерами. Явления этого отродья, но означает ли это, что у нас тут нет проблем?

— Я всегда приветствую